

ПУБЛИКАЦИИ | ТИАМ'А

НИЧЬЯ

**Буду резать, буду бить.
Всё равно тебе водить.**

Выставка называется по-другому. Даже чересчур. Наверное, это заметно.

Ничья — это земля, а не то, что первое приходит в голову.
В смысле — ничейная. А не в смысле — никто не проиграл, а только все не выиграли.
Но в голову чего только не приходит. Она — тот ещё резервуар.

Однако обо всём по порядку. И даже о несуразном эпиграфе.

Чур — это черта, межа, граница, предел.
Рубеж.
Нет, рубеж — это уже как-то пафосно.
Даже чересчур.

Поэтому идиома **Чур меня!**, глагол **Чураться** и существительное **Чура** не должны отвлекать нас от главного.

Все, кто играл в прятки, а не в «Angry Birds», знают, каково это — быть **на чуриках**.

Все прячутся. Ты водишь.
То есть стоишь перед этой самой чурой.
Тебе так себе.
Ситуация как бы казни. Невсамделишной, но всё-таки.
Ты об этом как бы не догадываешься.
Ты стоишь себе.
Стоишь Нигде.
Смотришь в Никуда.
И звать тебя, судя по обстоятельствам, Никак.
А потом, когда время вдруг куда-то выходит, орёшь:

**Раз-два-три-четыре-пять.
Я иду искать.**

Разворачиваешься от чуры к миру и идёшь туда.
Идти получается так себе, потому что трудно идти, когда топчешься.
Потому что тут у тебя чура без присмотра.

А с миром и так всё как-то не по-людски.
Но это — как водится.
Он и обычно какой-то сам не свой, а тут — и вовсе.

Орать — да, было проще.

И вот тут, когда кругом всё и так чересчур экзистенциально,
какие-то гады, засевшие в кустах, тоже начинают орать:

Горшки перебил! Горшки перебил!

2

Ты понимаешь, что реликтовая бытовая утварь — это метафора чего-то очень важного, что ты в той или в этой жизни упустил. Но уже поздно. Потому что те же гады не только из кустов, а уже отовсюду снова орут:

**Топор, топор,
сиди как вор
и не выглядывай во двор!**

А ещё гаже, если они орут вот так:

**Пила, пила,
лети как стрела!**

И вот — чура загажена. Она — чей-то чужой триумф. Ты — не в топе, а в другом месте. Хотя это место в локативном падеже очень даже в рифму.

Однако выбор колющих и режущих инструментов для этих стрёмных слоганов неслучаен. Инструменты шинкуют материю. Материю не просто, а в философском смысле. У нас тут всё серьёзно. Наверное, это уже заметно.

Оперативное вмешательство — простейшая метафора акта трансгрессии.

Снова философия. Вот, блин. Значит, правда серьёзно.

Термин «трансгрессия» означает преодоление пределов. Черт и границ. Слово «межа», кажется, не склоняется. Склонится. Межей и рубежей тоже.

То есть «через» важнее, чем «чур». Это уже совсем о выставке. Потому что выставка уже совсем про это. Про трансгрессию.

Вот и всё. Разъяснять что-либо ещё без толку. Слово «бессмысленно» — какое-то чересчур долгое. А играть в прятки со смыслом — это и вовсе чересчур. Может, он вообще где-то не тут. И тут его не предвидится.

А что не через чур, когда повсюду одни границы?

И куда тогда деваться смыслу? Ему ведь по статусу положено прятаться. Смысл — он такой. Он — как маленький. Он ищет прибежища.

Существительное «прибежище» — от глагола «бежать». Вот смысл и смыслся. В лучшем случае — смысл взмыл. А другого случая ему, может, и не представится.

Он — вообще несколько аутичен. Может, ну его совсем? А вот посмотрим.

ИЧЬЯ

Художникам положено заниматься искусством. В тот момент, когда доминантной функцией искусства становится поиск собственных границ, некоторые художники «зависают». Потому что когда «куда бечь», приходится парить.

Ударение на первом слоге в слове «парить» тоже может пригодиться, но пока оно — на втором.

Мир состоит не только из себя, но и из границ. Наверное, это заметно. Наверное, даже нужно. Наверное, даже глобус только кажется круглым, а так он — гранёный и местами царапается.

3

Когда границ становится чересчур много, миру становится чересчур тесно.
А границы начинают тереться друг о дружку, тужиться и скрежетать.
Звук очень на любителя.

Быть культурным человеком в такой ситуации получается с трудом. Если не со скрежетом.
Либо — нахватанность, либо — ограниченность.
Так себе дилеммка.
Хочется быть хорошим, а не так себе.
Поэтому и приходится парить.
Ударение — там же. Так положено. Точнее — так поставлено.

И поэтому хватит о выставке. Самое время — о художниках.

Чья

Один умный человек сказал, что в наше время художнику нужно быть
либо берсерком, либо аскетом.
Вот и все художественные стратегии.
Неистовство vs. самоограничение.
Нет, не распущенность. Нет, не муштра.
Нет, всего понемногу.
Особенно хорошего.

Мера. Дозировка. Пропорции.
Порядка и хаоса.
Дисциплины и экстастики.
Даже эроса.
Даже танатоса.
Даже «даже». Даже «даже» особенно.
Потому что гармония — это такая особенная эквилибристика.
А не то, что все в первую минуту подумали.

Но даже если порядок начинает смахивать на галлюциноз, нам нельзя теряться.
Даже если мы — больше не в себе.
А тогда — где мы?
Да и вообще — это была бы чересчур большая потеря для нас.

Может, мы на этой выставке, чтобы найтись?
Вот там мы нас, таких потерянных/найденных, пожалуй, и оставим.
Вернёмся к художникам.

На одну вещь художники **АА** и **ЛЛ** тратят примерно одно и то же время.
Нет, не тратят, потому что творить — не тратить.
Нет, всё-таки тратить.
Нет, лучше вообще не думать, а то резервуар треснет.

АА сначала фотографирует фрагмент реальности, потом выбирает внутри
этого фрагмента фрагмент, который только «смахивает» на реальность, а не кажется ей,
препарирует его на компьютере, а дальше начинается шелкография
(что это такое, не очень понятно, поэтому лучше сразу перенестись отсюда в википедию;
хотя не факт, что от этого станет понятнее). Сумма технологий. И вот — вещь.

А **ЛЛ** рисует пропасть картинок, а потом ныряет туда, чтобы выбрать ту.
Картинка должна не совсем «смахивать», но и не очень казаться.
Отличить трудно, но можно. И вот — вещь.

Участие тела, рук, взгляда и мозга «заложены» в то, что ждёт на выходе.
Процент того, того, того, того и даже не того не прогнозируем.

Поэтому даже странно, как можно так по-разному об одном. Или так похоже о разном.

4

Должно ли время, затраченное художником на вещь,
как-то коррелировать со временем его восприятия нами?
И почему мы должны тратить своё время на это самое восприятие?

И хватит ли нам на всё этого самого времени?

Теряем ли мы его?

Тратим ли?

Тратить — не терять.

Это — не утверждение, а вопрос.

Какой-то он снова подозрительно философский.

На него, наверное, нужно время.

Времени сейчас уже нет.

Сейчас — есть, а времени — ни в какую.

Оно поджимает, а сейчас — всегда.

А сейчас мы — на выставке.

Забыли?

Поэтому самое время — о пространстве.

ья

Потому что в какой-то момент художники **АА** и **ЛЛ** начинают примерять себя
и свои вещи к пространству, которое им вдруг «перепало».

Спасибо ТИАМу.

Пожалуйста.

Сейчас «перепал» Дом Крафта.

Пространство — загогулина.

Если выразаться не топорно, а чопорно, оно — анфилада.

Но это как посмотреть.

Потому что анфилада — это когда видно насквозь.

А тут комнаты надо перебирать, как чётки.

Когда перебрал все, ты — в домике.

То есть уже не тут.

Поэтому хватит о пространстве.

Самое время — о нас с вами.

Нам теперь надо разбираться, что перед нами — медитация или аттракцион.

Даже если этого нам и не надо.

Не надо,

но дано.

И вообще, что это было. Или есть. Или будет.

А тому, кто смог дочитать это до конца, — приз.

Я

**А кто не спрятался,
я не виноват.**

Вадим Касаткин, культуролог

ТУЛЬСКИЙ
ИСТОРИКО-
АРХИТЕКТУРНЫЙ
МУЗЕЙ